DOI 10.22455/2619-0311-2018-4-83-106

УДК 821.161.1

ББК 83.3 (2РОС=РУС)

Н.А. Тарасова

Черновой автограф романа «Преступление и наказание»

Ф. М. Достоевского:

история текста и контекстуальный анализ*

N.A. Tarasova

**The manuscript of Dostoevsky's novel "Crime and
Punishment":**

A history of the text and contextual analysis

Об авторе: Наталья Александровна Тарасова, доктор филол. наук, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург.

E-mail: nsova74@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена текстологическому анализу чернового автографа романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» – так называемой «висбаденской» редакции. На материале указанной рукописи рассматриваются нерешенные и спорные вопросы истории текста и творческой истории романного замысла. В результате выполненного исследования уточнена последовательность черновых набросков, исправлены ошибки публикаций текста (в том числе в академическом издании) и восстановлен ход творческого процесса автора. Сделанные в работе наблюдения позволяют по-новому осмыслить историю и характер формирования художественного замысла «Преступления и наказания» в целом.

Ключевые слова: Достоевский, «Преступление и наказание», текстология, проблемы публикации текста

Для цитирования: Тарасова Н.А. Черновой автограф романа «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского: история текста и контекстуальный анализ // Достоевский и мировая культура. 2018. № 4. С. 83-106. DOI 10.22455/2619-0311-2018-4-83-106

* Исследование выполнено за счет гранта РФФИ, проект № 18-012-90002.

About the author: Natalia A. Tarasova, Doctor of Philological Sciences, Leading Researcher of the Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom), Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg.

E-mail: nsova74@mail.ru

Abstract: The article deals with the manuscript of the so-called "Wiesbaden" version of Dostoevsky's "Crime and Punishment". The paper investigates unsolved problems about the history of the draft text and of the creation of the novel. The study clarifies the sequence of rough notes and corrects the errors contained in the publications of the manuscript of "Crime and Punishment" (including the academic edition), as well as reconstructs the course of the author's creative process. Our findings allow us to reveal new aspects of the history and nature of the author's conception overall.

Keywords: Dostoevsky, "Crime and Punishment", textual criticism, publishing practice

For citation: Tarasova N.A. The Manuscript of Dostoevsky's Novel "Crime and Punishment": A History of the Text and Contextual Analysis // Dostoevsky and World Culture. 2018. No 4. Pp. 83-106. DOI 10.22455/2619-0311-2018-4-83-106

История текста «Преступления и наказания» начинается с черновых замыслов, отраженных, прежде всего, в письмах и записных тетрадях Достоевского. Сохранились черновые автографы романа, один из них находится в рабочей тетради 1864–1865 гг. (по нумерации А. Г. Достоевской – тетрадь № 2). На форзаце тетради рукой А. Г. Достоевской сделана запись: «Варьянтъ романа “Преступленіе и Наказаніе”» (РГАЛИ. Ф. 212. 1. 4. Л. I). В ЛСС данный автограф получил название «Первая (краткая) редакция (“Повесть”)» [Достоевский 1972–1990: VII, 5–95]¹. Это черновой связный текст, особенность которого заключается в характере авторской правки: прямо поверх сделанных записей Достоевский пишет новый вариант романа (признанный исследователями редакцией), в котором меняет форму повествования – с первого на третье лицо. Многими сценами и диалогами автограф близок к окончательному тексту романа, но остается при этом черновиком, отражающим один из этапов творческой работы Достоевского над романым замыслом. Именно в этом автографе решается вопрос о выборе имени главного героя, Родиона Раскольникова, – на данной стадии творческого процесса имена и фамилии персонажей в рукописи варьируются, см. подробнее: [Тарасова 2017].

¹ Черновой текст «Преступления и наказания» в необходимых случаях цитируется по этому изданию с указанием нужных тома и страницы. Печатный текст романа, вышедший в новом издании: [Достоевский 2013–2016: I–VI], – цитируется по нему.

Эта редакция чернового замысла романа «Преступление и наказание» занимает значительную часть указанной рабочей тетради Достоевского. Кроме того, тетрадь (общим объемом 152 с.) содержит отдельные наброски к роману, рассказу «Крокодил», неосуществленному замыслу «Брак», записи художественно-публицистического характера (наброски к незавершенной статье «Социализм и Христианство», к полемике с журналом «Современник»), заметки, связанные с редакторской и издательской деятельностью автора, черновик одного из писем М. Н. Каткову, записи для памяти, расчеты, рисунки, каллиграфические прописи.

Рукописи романа «Преступление и наказание» были напечатаны И.И. Гливенко в 1931 г. (далее в тексте статьи – *Гливенко*, с указанием нужной страницы), а позднее вышли в обновленной редакции Л.Д. Опульской и Г.Ф. Коган, сначала отдельным книжным изданием в серии «Литературные памятники» в 1970 г. (далее – *ЛП*), затем в составе седьмого тома *ПСС* в 1973 г. Сопоставительный анализ рукописей и их публикаций позволяет обнаружить разночтения между источниками и выявить проблемы, связанные с чтением и воспроизведением рукописного текста в печати.

Одна из серьезных проблем, нуждающаяся в осмыслении текстологов и специалистов по творчеству Достоевского, – *установление последовательности записей* в черновых автографах. На черновой стадии творческого процесса Достоевский заполняет рукописные страницы мелким почерком, с большим количеством исправлений (вычеркиваний, вставок, в том числе маргиналий – записей на полях), делая многочисленные пометы «для себя», не всегда понятные постороннему взгляду, и используя специальные авторские условные обозначения в функции корректурных знаков (для связи записей, сделанных в разных местах автографа). При этом расположение текста не всегда последовательное: иногда заметки, непосредственно связанные друг с другом, находятся не только в разных местах одной страницы, но и в разных местах тетради; иногда страница заполняется записями в разных направлениях; встречаются примеры записывания одного текста поверх другого. Названные особенности авторской работы над черновиками стали условием, нередко затрудняющим верное прочтение записей. Между тем установление точной последовательности записей является одной из первостепенных задач понимания материала: неверная передача того или иного контекста искажает исследовательское и читательское восприятие авторских мыслей.

Ниже приводятся наиболее сложные места чернового автографа «Преступления и наказания», расшифрованные публикаторами с неточностями. Для понимания этих записей важен контекстуальный анализ, в ходе которого информация о тексте извлекается из контекста и совокупности характеристик – это и особенности графики, и специфика авторской манеры письма при заполнении рукописной страницы, и языковые нюансы смысла. При цитировании рукописи нами восстановлены недостающие знаки препинания в тех случаях, когда это необходимо согласно современной норме правописания (запятые при однородных членах предложения, между простыми предложениями в составе сложного, при обращениях, вводных словах, перед союзом «что»; точка в конце предложения; недостающие тире в диалогах). Текст автографа передается с помощью транскрипции, отражающей характер и последовательность авторской правки: в квадратных скобках приводится вычеркнутое Достоевским, в фигурных скобках – вписанное, в угловых скобках расшифровывается недописанное автором и приводятся пояснения. Эти же правила оформления распространяются на публикации автографа.

Следующее место текста воспроизведено в печати по-разному – процитируем все публикации, начиная с наиболее ранней:

Гливенко: «И какъ я могъ все это такъ оставить бе вни. <...> <В затекстовом примечании: Глубокая радость въ этой дырѣ?>» [Из архива Ф. М. Достоевского...: 122].

ЛП: «И как я мог все это так оставить без вниманія. <...> <На полях: в этой дыре? Разум, разум дай, господи, разум!>» [Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание...: 449, текст и сноска ***].

ПСС: «И как я мог всё это так оставить без вниманія. <...> <Внизу страницы запись: в этой дыре? Разум, разум дай, господи, разум!>» [Достоевский 1972–1990: VII, 30, текст и сноска 5].

Неверное направление в расшифровке текста задано в первой его публикации: предположительно-незаконченное «бевни» в последующих публикациях прочтено как «без внимания». В действительности в автографе – другое слово (об этом ниже). В первом издании, кроме того, ошибочно соединены две не связанные друг с другом записи. Одна относится к плану, записанному на верхнем поле страницы:

«Куда дѣвать. Тоска по городу. Сошоль у Невы. Заглянуль въ кошелекъ. Положилъ подь камень. Зашоль къ пріятелю. Переводы. 3 руб. въ трактирѣ.

Пришоль домой. {Легъ. Шумъ.} Разсказъ Настасьи. [Ночью] Это кровь у тебя.
Купиль сапоги, штаны и фуражку. Газеты.

Глубокая радость».

Последние два слова – «Глубокая радость» – публикатор необоснованно соединил с маргиналией «въ этой дырѣ?», находящейся на нижнем поле страницы: в автографе нет никаких признаков того, что эти записи связаны – достаточно взглянуть на цитированный план:

Илл. 1

Слова «Глубокая радость» не являются началом предложения, а представляют собою законченную синтаксическую конструкцию, которая завершена точкой. После этой записи следует линейка, которая обычно выполняет функцию разделителя и ставится между самостоятельными отрезками текста. В более поздних публикациях ошибка исправлена – данные строки воспроизводятся отдельно от основного текста и других записей (см.: ЛП, 449, сноска *; ПСС, VII, 29, сноска 7), однако при воспроизведении первой заметки допущено неверное чтение: «И как я мог всё это так оставить без внимания». В автографе вместо «без внимания» – слово «давеча», расположенное у самого края страницы на правом поле и записанное наискосок:

Илл. 2

На ошибочность предложенного публикаторами чтения («без внимания»; в дореволюционной орфографии: «безъ вниманія»)

указывают графические характеристики текста: отсутствие типичных признаков буквы «б» (вместо нее в записи обнаруживается «д» с верхней выносной линией), букв «з» и «ъ» («безъ»), «н», «м» («вниманія»), наконец, слитное написание букв (выражение «безъ вниманія» предполагает пробел между словами или хотя бы наличие «ъ» на переходе к следующему слову в беглом письме). Графика записи свидетельствует в пользу чтения «давеча». Сравним написания указанных слов, встречающихся в других местах тетради:

«давеча»	«безъ»	«вниманія» / «вниманіе»

С. 71	С. 8	С. 47

С. 78	С. 16	С. 48

С. 89	С. 90	С. 54

С. 100		С. 62

С. 152		С. 133

Илл. 3

При взгляде на запись Достоевского замечен знак – линия, проведенная автором от слова «давеча» к заметке на полях внизу

страницы: «въ этой дырѣ? Разумъ, {разумъ дай} Господи, разумъ!» (см. илл. 4, границы анализируемого контекста обведены):

Илл. 4

Приведем запись полностью:

«И какъ я могъ все это такъ оставить давеча въ этой дырѣ? Разумъ, {разумъ дай} Господи, разумъ» (С. 69 автографа).

Исходя из сказанного, следует сделать вывод о целостности записанной Достоевским фразы, несмотря на то, что ее части расположены в разных местах страницы. Это маргиналия, и ее деление на фрагменты объясняется отсутствием места в рукописи: в таких случаях автор мог переходить из пространства основного текста на поля, чаще всего сопровождая этот переход соединительными линиями или знаками, указывающими на связь между разными отрезками текста. На эти авторские знаки стоит обращать внимание при расшифровке записанного, потому что именно они и сигнализируют, как правило, о порядке записи.

Правильность предложенного чтения подтверждает окончательный текст романа, где, уже в форме повествования от третьего лица, содержится лексически близкий вариант (в том числе и слово «давеча»): «Но вот его комната. Ничего и никого; никто не заглядывал. Даже Настасья не притрогивалась. Но, Господи! Как мог он оставить давеча все эти вещи в этой дыре?» [Достоевский 2013–2016: VI, 93].

Другой пример неверного определения последовательности записи:

Гливенко: «{я боял погони} <...> раз боялся что черезъ полчаса, черезъ четверть уже выйдетъ наставленіе слѣдить за мной, такъ успѣть-бы, успѣть-бы. Надо теперь было успѣть схоронить концы до того врем <...>» [Из архива Ф. М. Достоевского...: 123].

ЛП, ПСС: «Я боялся погони, боялся, что через полчаса, через четверть уже выйдет наставление следить за мной, так успеть бы, успеть бы. Надо было теперь успеть схоронить концы до того времени <...>» [Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание...: 450; Достоевский 1972–1990: VII, 31].

Из текста автографа следует, что два цитированных предложения записаны с разным наклоном строк и по этой причине частично накладываются друг на друга (см. илл. 5, направления записей показаны подчеркиванием):

Илл. 5

«{Я боялся погони,} боялся, что через полчаса<а>, через четверть уже выйдет наставление слѣдить за мной, такъ успѣть-бы, успѣть-бы теперь. Надо было успѣть схоронить концы до того времен<и>» (С. 71 автографа)².

Последнее слово первого предложения «теперь» и начальные слова второго предложения «Надо было» оказались в одной точке пересечения. Именно различие в направлениях этих записей становится признаком, указывающим, в какой последовательности нужно читать текст. Слово «теперь» – не вставка во второе предложение (как это интерпретировали публикаторы), а продолжение начатой автором записи. У вставки обычно иное расположение – чаще всего она располагается над или под строкой, в том же направлении, что и основной текст (исключение – вставки-маргиналии). Кроме того, вставки часто сопровождаются специальным авторским знаком – линией, указывающей, к какому конкретно месту текста относится вписанное.

В следующем случае в автографе есть знак вставки записи, расположенной поверх основного текста, однако в публикациях ее расположение отражено неточно:

² В окончательном тексте романа фраза перестроена: «Боялся он погони, боялся, что через полчаса, через четверть часа уже выйдет, пожалуй, инструкция следить за ним; стало быть, во что бы ни стало, надо было до времени схоронить концы» [Достоевский 2013–2016: VI, 93].

Гливенко: «Какъ это я могъ тогда придумать въ моемъ положеніи просто недоумѣваю (не понимаю), потому что память, разсудокъ и силы совершенно, совершенно оставили <Ошибка. В автографе: оставляли> меня и только по временамъ минутами я могъ разсуждать. <В затекстовом примечании: хитрость пойти къ Разумихину>» [Из архива Ф. М. Достоевского...: 127].

ЛП: «Так например я совершенно не заметил, что прошел всю бесконечную первую линию до самой Малой Невы, и даже усталости не почувствовал от такого перехода, что бывает всегда когда человек уж слишком через меру устанет и истощится <Запись по тексту: хитрость пойти к Разумихину>» [Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание...: 453, текст и сноски ***].

ПСС, отнесено к первому слою чернового текста: «Впрочем, это я только теперь и на Николаевском мосту так только подумал и сообразил, что иду к Разумихину. Затем, перейдя всю Первую линию и от чрезмерной слабости почти не почувствовал <Ошибка. В автографе: почувствовал> такого перехода, поднялся к Разумихину в четвертый этаж. Тут произошло было со мной <Ошибка. В автографе: [для] {во} м[еня]{нѣ}> весьма странное обстоятельство, которое я не умею рассказать словами. По тексту запись: хитрость пойти к Разумихину» [Достоевский 1972–1990: VII, 35, сноска 3].

Обратим внимание на характер правки в автографе:

Илл. 6, с. 75 автографа

Илл. 6а, с. 76 автографа

В ПСС анализируемая запись (заключена на илл. 6 в овал) отнесена к реконструированному контексту, который образуют заметки со с. 75 и 76. Предложенная публикаторами помета «По тексту запись...» некорректна: вставка «хитрость пойти к Разумихину» сделана на с. 75 и относится к конкретному месту на указанной странице; к тексту со с. 76 она не имеет отношения.

В автографе:

«[Выдумалъ я, стало бытъ, все это прежде всего по инстинкту, и подивился тутъ я самъ себѣ{:} [какъ тягуче и] {кажется, ужъ} И разумъ мѣшается, и способности и силы послѣднія человѣка оставляютъ, а инстинктъ самосохраненія живеть и работаетъ {хитрость пойти къ Разумихину} и [проявляется] {можетъ} явиться почти безотчетно въ видѣ какой-то, животной, звѣриной хитрости!» (С. 75).

Помета «хитрость пойти к Разумихину» имеет поясняющий характер по отношению к тексту, к которому она приписана автором: по смыслу это уточнение к словам об «инстинкте самосохранения». В окончательный текст этот фрагмент (вычеркнутый в рукописи) не вошел, а во внутреннем монологе героя мысль звучит по-другому: «А, очень, однако же, любопытно: сам я пришел или просто шел да сюда зашел? Всѣ равно; сказал я... третьего дня... что к нему после того на другой день пойду, ну что ж, и пойду! Будто уж я и не могу теперь зайти...» [Достоевский 2013–2016: VI, 96]. Несколькими страницами ниже говорится о «звериной хитрости» (вариант автографа), но в другом контексте – в сцене визита Разумихина к герою: «Раскольников молчал и не сопротивлялся, несмотря на то что чувствовал в себе весьма достаточно сил приподняться и усидеть на диване безо всякой посторонней помощи, и не только владеть руками настолько, чтобы удержать ложку или чашку, но даже, может быть, и ходить. Но по какой-то странной, чуть не звериной хитрости ему вдруг пришло в голову скрыть до времени свои силы, притаиться, прикинуться, если надо, даже еще не совсем понимающим, а между тем выслушать и выведать, что такое тут происходит?» [Достоевский 2013–2016: VI, 106]. Ср. в других местах автографа: «Меня потталкивала какая-то животная, звѣриная хитрость:

обмануть охотника и провести всю эту стаю собакъ. Только объ себѣ и объ своемъ спасеніи я и думалъ <...>» (с. 31), «онъ чувствовалъ въ себѣ и силъ гораздо больше, чѣмъ, напримѣръ, предполагалъ Разумихи<нѣ>, но по какой-то странной хитрости, – ему пришло въ голову скрыть свои силы, {не говорить} и надуть ихъ всѣхъ. Точно звѣрь, попавш<ій> въ клѣтк<у>» (с. 92). Сравнение героя со зверем, загнанным в клетку, и упоминание о хитрости, о попытках «обмануть охотника», указывают на то, что Раскольников после преступления и во время своей «болезни» испытывает не угрызения совести, а страх³.

На с. 105 автографа, между строк и на полях внизу и слева, расположен фрагмент, в котором повествование меняется с первого на третье лицо. Записи сделаны снизу вверх, соединены линиями, указывающими на последовательность набросков. Однако в публикациях этот значительный отрезок текста отражен неверно – прежде всего потому, что не была замечена смена обычного направления записей (сверху вниз) на обратное.

Гливенко: «<...> а что надо будетъ {такъ} завтра посмотримъ {микстуру прочь} <В затекстовом примечании: Пестряковъ студентъ, вотъ въ этой исторіи. Офицеръ одинъ естественнонаучникъ, одинъ, учитель одинъ, мальчикъ одинъ, ну да чоръ вс равно. Замето будетъ. Эхъ брать Родя какъ-бы я хотѣлъ его... Ну да ничего <...>»

– Завтра вечеромъ я его гулять веду! вскричалъ Разумихи<нѣ>. <...>
<В затекстовом примечании: Р. не понимая>

– <...> Пожалуй немного можно... Если погода. <В затекстовом примечании: Эхъ кабы сегодня ко мнѣ, буду дома. Я могу и теперь [Зачеркнуто: Ходи куда угодно] ходить и куда угодно пойду... если захочу.

– Кто будетъ?

Зосимовъ промолчалъ.

– Эк досада! Крикнулъ Разумихъ Сегодня я новоселье справляю, два шага, вотъ-бы и онъ. Ты-то будешь? Вѣдь обѣщалъ обратился онъ вдругъ къ Зосим

– Да я не знаю, пожалуй, кто будетъ-то

– Да все здѣшніе, право, у меня то два мѣсяца нѣтъ [гост] то вдругъ ихъ цѣлая туча.

кто такой

Почтмейстеръ гдѣ-то въ ѣздѣ всю жизнь пробы пенсіонъ теперь получаетъ. Бѣдный человѣкъ, все молчитъ, а я его очень люблю, такъ лѣтъ въ пять по разу

³ В исследованиях о романе отмечена роль мотива отчуждения, проявляющегося, когда Раскольников после совершения убийства оказывается в духовной изоляции и испытывает отвращение к окружающим, см.: [Аскольдов: 256], [Барсотти: 21], [Чирков: 89], [Тарасов: 263], [Тарасова 2016: 76-77].

Все здѣшніе современни. [Есть] кромѣ развѣ старика дяди, древняго старика, шестидесяти пяти лѣтъ [въ Пет], недѣлю какъ въ Петербургъ по дѣлу приѣ

Какъ нибудь видишь. Ну а тамъ всѣ прочіе. Порфир. Степ приставъ слѣдств дѣлъ твой пріятель. Да полно, не (...) что вы поругались-то такъ ужъ – ты не придешь пожалуй?» [Из архива Ф. М. Достоевского...: 154–155].

ЛП: «На полях: Пестряков студент, вот в этой истории. Офицер один, естественнонаучник один, учитель один, мальчик один, ну да черт, все равно. Заметов будет. Эх, брат Родя, как бы я хотел его... Ну да ничего! Р<аскольников> не понимал» [Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание...: 475, сноска ***].

«На полях и между строк вариант: Пожалуй немного можно... Если погода.

– Эх кабы сегодня ко мне, буду дома.

– Я могу и теперь [ходить] [куда угодно] ходить и куда угодно пойду... если захочу.

– Кто будет?

Зосимов промолчал.

– Эх, досада! – крикнул Разумихин. – Сегодня я новоселье справляю, два шага, вот бы и он. Ты-то будешь? Ведь обещал, – обратился он вдруг к Зосимову.

– Да я не знаю, пожалуй, кто будет-то?

– Да всё здешние, право, у меня то два месяца нет гостей, то вдруг их целая туча. Кто? Такой почтмейстер, где-то в уезде всю жизнь пробыл, пенсион теперь получает. Бедный человек, все молчит, а я его очень люблю, так лет в пять по разу. Всё здешние современные. [Есть] Кроме разве старика-дяди, древнего старика, шестидесяти пяти лет, неделю как в Петербург по делам приехал. Как-нибудь видишь. Ну а там все прочие. Порфирий Степаныч, пристав следственных дел, твой пріятель. Да полно, не гримасничай, что вы поругались-то, так уж – ты не придешь пожалуй.

– Кой черт мне» [Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание...: 475, сноска ****].

ПСС: «На полях и между строками вписаны наброски к третьей (окончательной) редакции романа: 1. Пожалуй, немного можно... Если погода.

– Эх, кабы сегодня ко мне, буду дома.

– Я могу и теперь [ходить] [куда угодно] ходить и куда угодно пойду... если захочу.

– Кто будет?

Зосимов промолчал.

– Эх, досада! – крикнул Разумихин. – Сегодня я новоселье справляю, два шага, вот бы и он. Ты-то будешь? Ведь обещал, – обратился он вдруг к Зосимову.

– Да я не знаю, пожалуй, кто будет-то?

– Да всё здешние, право, у меня то два месяца нет гостей, то вдруг их целая туча. Кто? Такой почтмейстер, где-то в уезде всю жизнь пробыл, пенсион теперь получает. Бедный человек, всё молчит, а я его очень люблю, так лет в пять по разу. Всё здешние современные. [Есть] Кроме разве старика дяди, древнего старика, шестидесяти пяти лет, неделю как в Петербург по делам приехал. Как-нибудь видишь. Ну а там все прочие. Порфирий Степаныч, пристав следственных дел, твой пріятель. Да полно, не гримасничай, что вы поругались-то, так уж – ты не придешь, пожалуй.

– Кой черт мне.

– Пестряков студент, вот в этой истории. Офицер один, естественнонаучник один, учитель один, мальчик один, ну да черт, всё равно. Заметов будет. Эх, брат Родя, как бы я хотел его... Ну да ничего! Р<аскольников> не понимал» [Достоевский 1972–1990: VII, 63, сноска 3].

Неверная последовательность текста задана расшифровкой, предложенной в первой публикации, в которой наброски на полях и между строк основного текста интерпретированы как отделенные друг от друга и записанные в правильном порядке сверху вниз. В позднейших публикациях этот порядок немного исправлен, но не потому что был верно реконструирован ход повествования, а потому что запись «Пестряков, студент ~ Ну да ничего! Р<аскольников> не понимал» была воспринята как самостоятельная и размещена отдельно от нужного контекста. Нарушенная последовательность записей искажает смысл текста – появляются бессвязные предложения или алогизмы: «Кто? Такой почтмейстер», «а я его очень люблю, так лет в пять по разу», «неделю как в Петербург по делам приехал. Как-нибудь видишь. Ну а там все прочие» и др. Хотя принято говорить о постоянной «спешке» Достоевского при создании текстов, связанной с необходимостью выдерживать договоренности с издателями, но черновые автографы почти не содержат примеров неясности мысли и, тем более, нарушения логических связей – эти черты рукописям Достоевского, как правило, придают публикаторы, неверно интерпретирующие записанное автором.

Рассмотрим контекст анализируемых записей в автографе:

Илл. 7

На первый взгляд разрозненные, заметки в разных местах страницы образуют единое целое. Попробуем определить ход творческого процесса. При записывании основного текста велась его правка и появились дополнения. Вначале был вписан отрывок, размещенный в правой части и в нижнем правом углу страницы (на илл. 7 отмечен цифрой 1): «Пожалуй, немного можно... ~ Да все здѣшніе, право, у меня то два мѣсяца нѣтъ [гостей] {гостей<з>}, то вдругъ ихъ цѣлая туча». Последнее предложение, как видно на илл. 7, присоединено к контексту авторским знаком – соединительной линией. Далее записи продолжаются на нижнем поле страницы (на илл. 7 – фрагмент, отмеченный цифрой 2): «Все здѣшніе современн<ики>?! ~ недѣлю какъ въ Петербургъ по дѣла<мъ> пріѣх<аль>». После этого сделан переход на левое поле страницы (фрагмент, отмеченный цифрой 3): «Кто такой<?> ~ Такъ лѣтъ въ пять по разу какъ-нибудь видим<ся>». Последние слова «какъ-нибудь видим<ся>» записаны выше остального текста и соединены с началом предложения «Такъ лѣтъ въ пять по разу» тем же способом – соединительной линией, указывающей на продолжение записи. От слов «какъ-нибудь видим<ся>» запись продолжается по основному тексту (фрагмент, отмеченный цифрой 4): «Ну а тамъ всѣ прочі<е>. ~ Кой чортъ мнѣ до н<его>! Кто еще-то<?>». От верхней части наброска проведена линия к окончанию записи, расположенному на левом поле страницы выше предыдущих вставок (на илл. 7 фрагмент отмечен цифрой 5): «Пестряковъ, студентъ, вотъ въ этой исторіи. ~ Р<аскольниковъ> не понима<лъ>».

В установленной последовательности эти наброски составляют единое смысловое целое – план диалога Разумихина и Зосимова в присутствии Раскольникова:

- «– Пожалуй, немного можно... Если пог<о>да.
- Эхъ кабы сегодн<я> ко мнѣ, буду дома.
- Я могу и теперь [ходи] [куда угодно] {ходить и куда угодно пойду... если захочу.}
- Кто будетъ?
- [Кт] Зосимовъ промолчалъ.
- Эхъ досада! крикнулъ Разумих<инъ>. Сегодн<я> я новоселье справляю, два шага – вотъ-бы и онъ. [В]{Т}-то будешь? Вѣдь общалъ, обратился онъ вдругъ къ Зосим<ову>.
- Да я не знаю, пожалуй, кто будетъ-то<?>
- Да все [здѣ]здѣшніе, право, у меня то два мѣсяца нѣтъ [гостей] {гостей}, то вдругъ ихъ цѣлая туча. Все здѣшніе современн<ые>?! [Есть] Кромѣ развѣ

старика дяди. д[в]{р}евняго старика шестидесяти пяти лѣтъ. [въ Пет] недѣлю какъ въ Петербургъ по дѣла<мъ> пріѣх<аль>.

– Кто такой<?>

– Почтмейстеръ, гдѣ-то въ уѣздѣ всю жизнь пробы<лъ>. пенсіонъ[.] теперь получаетъ. Бѣднѣйш<ій> человѣкъ, все молчитъ, а я его очень люблю. Такъ лѣтъ въ пять по разу какъ-нибудь видим<ся>. Ну а тамъ всѣ прочі<е>. Порфир<ій> Степан<ычъ> {<Вариант:> Пет<ровичъ>}, приставъ слѣдств<енных> дѣлъ, твой пріятель. Да полно, не гримасн<ичай> [глупо <¿>] {что} вы поругались-то такъ ужъ – ты не придешь, пожалуй.

– Кой чортъ мнѣ до н<его!> Кто еще-то<?>

– Пестряковъ, студентъ, вотъ въ этой исторіи. Офицеръ одинъ, естественно-научникъ,⁴ одинъ, учитель оди<нъ>, мальчикъ оди<нъ>, ну да чор<тъ> вс<е> равно. Замето<въ> будетъ. Эхъ братъ Родя, какъ-бы я хотѣлъ его... Ну да ничего!

Р<аскольниковъ> не понима<лъ>» (С. 105).

Правильность предлагаемого чтения подтверждает окончательный текст романа, в котором данный диалог находит частичное отражение:

«– Эх досада, сегодня я как раз новоселье справляю, два шага; вот бы и он. Хоть бы на диване полежал между нами! Ты-то будешь? – обратился вдруг Разумихин к Зосимову, – не забудь смотри, обещал.

– Пожалуй, попозже разве. Что ты там устроил?

– Да ничего, чай, водка, селедка. Пирог подадут: свои соберутся.

– Кто именно?

– Да всё здешние и всё почти новые, право, – кроме разве старого дяди, да и тот новый: вчера только в Петербург приехал, по каким-то там делишкам; в пять лет по разу и видимся.

– Кто такой?

– Да прозябал всю жизнь уездным почтмейстером... пенсионишко получает, шестьдесят пять лет, не стоит и говорить... Я его, впрочем, люблю. Порфирий Петрович придет: здешний пристав следственных дел... правовед. Да, ведь ты знаешь...

– Он тоже какой-то твой родственник?

– Самый дальний какой-то; да ты что хмуришься? Что вы поругались-то раз, так ты, пожалуй, и не придешь?

– А наплевать мне на него...

– И всего лучше. Ну, а там – студенты, учитель, чиновник один, музыкант один, офицер, Заметов...» [Достоевский 2013–2016: VI, 115].

Подобное расположение связанных между собой записей в порядке «снизу вверх» встречается еще раз, на с. 109 автографа:

⁴ Так в рукописи. Следует читать без запятой.

«– Порознь – {такъ} значить, онъ сталъ бить старуху, а двер[и]{ей} не заперъ? {потому что въ нихъ потомъ другая вошла. Иначе съ какой-бы стати ему впускать. Такж<е> бы точно обробѣлъ и притаился, какъ и отъ Бергштольца.}».

В данном случае снизу вверх вписан фрагмент «потому что въ нихъ ~ Бергштольца», на что автор указывает при помощи знака-линии:

Илл. 8

На с. 108–109, кроме того, имеются маргиналии, порядок записи которых отражен в печати по-разному:

Гливенко: «Тутъ психологія, тутъ по психологическ данны иди, а они да и на фактъ смотрѣть съ энтуз цѣлый міръ открываетъ тину ихъ жирную, закорузлую подлую – вотъ на что нападаю {пропустить меня} а еще новые дѣятели ты Порфирия впрочемъ не кори его не разбер все молчит. А работникъ (...)» [Из архива Ф. М. Достоевского...: 158].

«вдругъ самый неожиданный фактъ все раскрываетъ. Крестьянинъ Пушкинъ содержатель распивочно и навынось представляетъ уже на третій день вещь» [Из архива Ф. М. Достоевского...: 160].

ЛП: «На полях: Тут психология, тут по психологическим данным иди, а они пропустит миг да и на фактъ смотреть съ энтузиазмом целый мир открывает тину их жирную, закорузлую, подлую – вот на что нападаю. А еще новые деятели. Ты Порфирия впрочемъ не кори, его не разберешь, все молчит. А работникъ <нрзб.>» [Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание...: 477, сноска **].

«На полях: вдруг самый неожиданный фактъ все раскрывает. Крестьянин Пушкин, содержатель распивочно и на вынос, представляетъ уже на третій день вещь» [Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание...: 479, сноска *].

ПСС: «Между строками и на полях наброски к третьей (окончательной) редакции романа: 1. Тут психология, тут по психологическим данным иди, а они 2, да и на фактъ смотреть съ энтузиазмом целый мир открывает. 3. тину их жирную, закорузлую, подлую – вот на что нападаю. А еще новые деятели. Ты Порфирия, впрочемъ, не кори, его не разберешь, всё молчит. А работникъ 4, пропустит миг» [Достоевский 1972–1990: VII, 65–66, сноска 16].

«Также на полях набросок к третьей (окончательной) редакции: вдруг самый неожиданный фактъ всё раскрывает. Крестьянин Пушкин, содержатель

распивночно и на вынос, представляет уже на третий день вещь» [Достоевский 1972–1990: VII, 68, сноски 5].

Из публикаций следует, что наброски разделены на части и воспроизводятся в соотнесении с разными смысловыми контекстами. Такое разделение объясняется отрывочным характером этих заметок и их местонахождением в автографе – на разных страницах. Однако стоит обратить внимание на почерк и цвет чернил этих записей (их границы обведены):

Илл. 9

Судя по почерку, наброски сделаны одновременно и одними и теми же чернилами, более темными, чем чернила в остальных записях. При этом вторая часть набросков выходит на поля с. 109, однако последний набросок отделен чертой от основного текста страницы. Воспроизведем контекст по автографу:

«{Ты Порфирия, впроче<мъ>, не кори, его не разбер<ешь>, все молчить.
А работник<а> заарест<о>валъ <?>
{тину их жирную, закорузлую, подлую – вотъ на что нападаю.} {Тутъ
психологія, тутъ по психологичес<имъ> данны<мъ> иди, а они} {пропуска<т>
мног<о>} {а еще новые дѣятъли⁵} {да и на фактъ смотрѣть съ эн<тузіазмомъ>}>
{Тутъ цѣлый міръ открывается} {слушай... [Д] [Ты говоришь, я хлопоту<нъ>,
да развѣ]}>⁶

⁵ Так в рукописи. Должно быть: дѣятели.

⁶ Текст: слушай... ~ да развѣ – вписан на полях с. 109.

{вдруг самы<й> неожиданн<ый> факт все раскрывает. Крестьян<инь> Пушкин<ь>, содержатель распивочно<й> и на выносъ, представляль уж<е> на третій день вещь.}» (С. 108–109).

Сравним с окончательным текстом романа (диалог Разумихина с Зосимовым):

«– <...> Я Порфирия уважаю, но... Ведь что их, например, перво-наперво с толку сбило? Дверь была заперта, а пришли с дворником – отперта: ну, значит, Кох да Пестряков и убили! Вот ведь их логика.

– Да не горячись; их просто задержали; нельзя же... Кстати: я ведь этого Коха встречал; он ведь, оказалось, у старухи вещи просроченные скупал? а?

– Да, мошенник какой-то! Он и вексель тоже скупает. Промышленник. Да черт с ним! Я ведь на что злюсь-то, понимаешь ты это? На рутину их дряхлую, пошлейшую, закорузлую злюсь... А тут, в одном этом деле, целый новый путь открыть можно. По одним психологическим только данным можно показать, как на истинный след попадать должно. “У нас есть, дескать, факты!” Да ведь факты не всё; по крайней мере половина дела в том, как с фактами обращаться умеешь!

<...>

– Да, бишь! Ну слушай историю: ровно на третий день после убийства, поутру, когда они там нянчились еще с Кохом да Пестряковым, – хотя те каждый свой шаг доказали: очевидность кричит! – объявляется вдруг самый неожиданный факт. Некто крестьянин Душкин, содержатель распивочной, напротив того самого дома, является в контору и приносит ювелирский футляр с золотыми серьгами <...>» [Достоевский 2013–2016: VI, 117].

При всей незаконченности набросков, сравнение их с печатным текстом показывает, что на черновой стадии отражена сходная логика повествования: есть упоминание о следователе, затем следует мысль об ошибочности ареста «работника» (слово «заарестовал» из автографа не прочитано публикаторами, в окончательном тексте романа оно встречается дважды [Достоевский 2013–2016: VI, 292, 300] в речи Порфирия Петровича), затем – рассуждения о «дряхлой, пошлейшей, закорузлой» рутине (в автографе иначе: о «жирной, закорузлой, подлой» «тине», при этом нигде нет иного варианта и нет признаков того, что начало слова «ру-» находится где-то в другом месте рукописи) и «психологических данных», после чего излагается «история» о «крестьянине Душкине, содержателе распивочной» (в автографе – «крестьянин Пушкин»), и др. Сравнение набросков и печатного текста

⁷ Текст: вдруг самы<й> ~ на третій день вещь. – вписан на полях с. 109 и отчеркнут с двух сторон.

свидетельствует также о том, что указанные черновые записи относятся к одному контексту.

Публикация И.И. Гливенко, будучи одним из первых опытов воспроизведения рукописей «Преступления и наказания»⁸, отличается неполнотой прочтений рукописного текста, что свидетельствует об отсутствии на тот момент разработанной методики текстологического анализа творческого процесса. В ПСС о данной публикации сказано: «Это издание механически воспроизводило страницу за страницей (с рядом пропусков и множеством неразобранных мест) <...>» [Достоевский 1972–1990: VII, 399]. В последующих двух публикациях – ЛП и ПСС – многие неточности исправлены, а пропуски текста восполнены. Прежде всего, это стало возможным из-за формирования иных принципов работы с рукописным текстом, связанных с попытками исследовать специфику творческой работы Достоевского над замыслом романа. Однако в ряде случаев, как видно из приведенных в статье примеров, сохраняется инерция доверия печатному источнику и воспроизводятся ошибки первого издания рукописей, как в прочтении отдельных слов, так и в определении последовательности записей.

Возвращаясь к характеристике анализируемого чернового автографа, отметим, что его место в истории текста «Преступления и наказания» достаточно подробно проанализировано. В. Л. Комарович, критически откликнувшийся на публикацию И. И. Гливенко, указал на отсутствие в ней попыток систематизировать записи согласно их хронологии и проанализировать генезис романного замысла [Комарович: 261-262]. Отталкиваясь от этого тезиса, Комарович попытался показать ход творческого процесса в рукописях «Преступления и наказания», определив хронологию записей. Тетрадь № 2, о которой идет речь в данной статье, исследователь отнес к начальному этапу работы, считая, что «наиболее раннюю формацию замысла надо отыскивать» именно в ней [Там же: 262]. На это указывают особенности заполнения страниц: на с. 109 тетради черновой автограф прерывается, и записи продолжены на с. 27, так как на с. 110-112 находится черновик письма М.Н. Каткову, который «набрасывался в Висбадене в первой половине сентября 1865 г.». Следовательно, «предшествующий ему художественный отрывок начат был незадолго до того, а закончен вскоре после того, как написан был упомянутый черновик» [Там же]. По предположению Комаровича, это «более или менее законченный

⁸ Неполный ее вариант, содержащий отрывки рукописи, был подготовлен ранее, см.: [Гливенко 1924].

отрывок той первоначальной редакции “Преступления и наказания”, которая под именем “повести” (“от пяти до шести печатных листов”) создавалась как раз в Висбадене в конце августа, в сентябре и в начале октября 1865 г., как это видно, кроме упомянутого письма к Каткову, еще из писем Достоевского к А. Е. Врангелю за тот же период и из позднейших писем к жене» [Там же]⁹. Наброски в начале тетради Комарович также относит к «висбаденскому» периоду, ориентируясь на дату со с. 18 «14 Октября (на пароходе *Vicégoü*)» (на котором Достоевский возвращался в Россию осенью 1865 г.): «Запись под этой датой – одна из последних конспективных записей в начале рассматриваемой тетради; предшествующие ей записи есть, следовательно, основания относить к предшествующему дате периоду, т. е. к тому же периоду работы (в Висбадене), что и законченный отрывок из середины тетради. Два особых конспекта (на страницах 26 и 30), связанные между собой сходным заглавием и номерами (“Prospectus № 1” и “Prospectus № 2”), тоже должны быть отнесены к периоду работы в Висбадене, может быть к самым первым фазам этой работы, судя по тому, что предусматриваемая ими редакция не только сходна в основном с той, которую находим в предшествующих конспектах, но и еще более, чем она, схематична, еще менее конкретна. И только наконец конспекты на четырех последних страницах (149–152) по некоторым признакам могут быть отнесены к другому, более позднему периоду работы над “Преступлением и наказанием” <...>» [Комарович: 263]. Вслед за Комаровичем подобным образом интерпретируется генезис указанных рукописей публикаторами ЛП [Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание...: 427–430, 681–715] и ПСС [Достоевский 1972–1990: VII, 312–316, 400–401], дополнивших историю текста характеристикой всего свода рукописных материалов к роману.

Нуждается в уточнении сам характер полнотекстовой публикации рукописей «Преступления и наказания». Вывод о том, что в тетради № 2 содержится начало разработки романного замысла, привел публикаторов к решению объединить большую часть ее материалов в «Первую (краткую) редакцию (“Повесть”)». Вызывают вопросы терминология и принципы подачи текста. В ПСС эта

⁹ Наибольшие подробности о раннем этапе работы над романом содержатся в черновике письма М. Н. Каткову от 10 (22) – 15 (27) сентября 1865 г. [Достоевский 1972–1990: XXVIII₂, 136–139]. В письмах А. Е. Врангелю от 10 (22), 16 (28) сентября и 8 ноября 1865 г. есть отдельные упоминания о романе [Там же: 135, 140, 141–142]. См. также письмо А. Г. Достоевской от 23 марта (4 апреля) 1868 г. [Там же: 290], прим. к несохранившемуся письму А. П. Милюкову от начала сентября 1865 г. [Там же: 526].

«редакция» начинается черновым автографом (ЧА₁) [см.: Достоевский 1972–1990: VII, 5-76], то есть связным черновым текстом, анализ примеров из которого был предложен выше. За ним следуют наброски – «Подготовительные материалы» к роману (ПМ₁) [см.: Достоевский 1972–1990: VII, 76-95], в том числе и заметки со с. 149-152 автографа [см.: Достоевский 1972–1990: VII, 92-95], которые Комарович отнес к более позднему периоду разработки замысла. Надо уточнить, что наброски на указанных страницах возникли в разное время: с. 149 заполнена чернилами более светлого оттенка, и записи на ней, по всей вероятности, были сделаны раньше, чем на с. 150-152, хотя упоминание Аристова свидетельствует в пользу раннего характера всех этих конспективных заметок [см.: Достоевский 1972–1990: VII, 315].

Записи набросочного типа – по определению первые, возникающие раньше связного чернового текста. Об этом свидетельствует и содержание остальных рабочих тетрадей Достоевского с черновыми набросками к романам «Идиот», «Бесы», «Подросток», «Братья Карамазовы», к «Дневнику писателя», отражающими начальный этап разработки художественных и художественно-публицистических замыслов. Связный черновой текст – редкость для записных тетрадей Достоевского. Чаще эта стадия работы представлена на отдельных листах не тетрадного (большого) формата, поскольку такой черновик требовал больше места. Тетрадь № 2 содержит черновой автограф, в котором правка выглядит так же, как в рукописях более поздних замыслов (сочетание основного текста на рукописной странице и маргиналий, появление набросков, которые на последующих страницах разворачиваются в связное повествование, использование условных знаков, и др.) – это означает, что к моменту создания романа «Преступление и наказание» форма таких черновиков уже сложилась. Кроме того, это значит, что были и наброски к роману в тетрадях и на отдельных листах, предвещающие создание связного текста, но не все они сохранились.

Исходя из того, что черновой автограф не является начальной стадией творческого процесса, было бы правильнее начинать публикацию с «подготовительных материалов» – той части черновых набросков, которые не могли появиться раньше связного текста, тем более что этот связный текст обнаруживает удивительную близость к тексту окончательному, о чем уже было сказано (ср.: «...почти вся середина тетради занята синтаксически связным, последовательно развивающимся повествованием, прямые (подчас дословные) соответствия которому нахо-

дим в законченном романе» [Комарович: 262]¹⁰). Такое решение влечет за собой необходимость пересмотра всех набросков романного замысла и их хронологии и взаимосвязи, а также и черновых автографов, которые отнесены исследователями к разным «редакциям» – «Первой (краткой)» и «Второй (пространной)» [см.: Достоевский 1972–1990: VII, 302–303], однако имеют общую (помимо связности текста и предвосхищения отдельных эпизодов и сцен будущего романа) объединяющую их черту: и в ЧА₂ [Достоевский 1972–1990: VII, 96–118], и в ЧА₃ [Достоевский 1972–1990: VII, 118–130], как в ЧА₁, используется рассказ от первого лица, а в ЧА₃ содержится авторская правка, свидетельствующая о переходе к форме повествования от третьего лица. Именно потому, что черновой автограф – хронологически не первый текст, а уже проработанная (хоть и не завершенная) часть замысла, Достоевский не переписывает его полностью (то есть не отвергает его содержания), а прямо поверх текста более темными чернилами делает приписки и правит «я» на «он» или «Раскольников».

Что касается «Третьей (окончательной) редакции», то в ПСС в ее состав включены черновые наброски в записных тетрадях и на отдельных листах [Достоевский 1972–1990: VII, 146–212], в текстологической справке к ним добавляются ЧА₄, а также беловой автограф и наборная рукопись [Достоевский 1972–1990: VII, 303], опубликованные как варианты основного текста в одноименном разделе [Достоевский 1972–1990: VII, 215–268]. «Варианты», как следует из Содержания тома, – это самостоятельный раздел, что соответствует реальности: все эти тексты, отражающие разные стадии творческого процесса, неправильно было бы объединять в редакцию. Вместе с тем и по отношению только к черновым наброскам едва ли можно использовать термин «редакция»: наброски по самой сущности своей – незавершенные записи, содержание которых не всегда позволяет точно определить, когда они создавались и как соотносятся между собой. Публикаторы нередко группируют их по догадке, гипотетически, на основании тематического окружения и изредка появляющихся дат в авторском тексте. «Редакцию» при таких условиях составить из набросков возможно, но это будет гипотетическая конструкция. Полноценная редакция рождается при наличии связного чернового текста, то есть на последующей стадии творческой работы автора, когда ясно направление (и воплощение) авторской мысли.

¹⁰ А. Г. Достоевская не случайно назвала черновик из тетради № 2 «варьянтом романа», по-видимому, понимая, что это не начальная стадия работы над текстом.

Указанные соображения свидетельствуют о необходимости нового взгляда на корпус рукописей романа «Преступление и наказание» и определения такой формы публикации рукописных материалов, при которой учитывались бы специфика творческого процесса (характеристики почерка и языка, анализ которых позволяет избежать ошибок прочтения рукописи; разные типы расположения записей, принципы авторской правки текста, система условных обозначений, то есть условия, помогающие установить ход повествования) и последовательность этапов авторской работы – от черновых набросков замысла к окончательному тексту.

Список литературы

1. Аскольдов С. А. Достоевский как учитель жизни // О Достоевском. Творчество Достоевского в русской мысли 1881–1931 годов. М.: Книга, 1990. С. 252–263.
2. Барсотти Д. Достоевский. Христос – страсть жизни. М.: Паолине, 1999. 249 с.
3. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
4. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. и писем: В 35 т. / ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. СПб.: Наука, 2013–2016. Т. 1–6 (изд. продолжается).
5. Достоевский Ф. М. Преступление и наказание / АН СССР; Изд. подгот. Л. Д. Опульская и Г. Ф. Коган. М.: Наука, 1970. (Серия «Литературные памятники»). 808 с.
6. Из архива Ф. М. Достоевского: Преступление и наказание. Неизданные материалы / Централхив; Подгот. к печати И. И. Гливенко. М., Л.: ГИХЛ, 1931. 218 с.
7. Комарович В. Л. Литературное наследство Достоевского за годы революции. Обзор публикаций 1917–1933 гг. // Литературное наследство. М.: Журнально-газетное объединение, 1934. Т. 15. С. 258–281.
8. «Преступление и Наказание»: (Из «Записных книжек» Ф. М. Достоевского) / С предисл. И. И. Гливенко // Красный архив. 1924. № 7. С. 146–200.
9. Тарасов Б. Н. «Тайна человека» и тайна истории. Непрочитанный Чаадаев. Неопознанный Тютчев. Неуслышанный Достоевский. СПб.: Алетея, 2012. 352 с.
10. Тарасова Н. А. Критика текста и проблема «трудных чтений» (на материале черновых записей 1864–1865 годов) // Русская литература. 2017. № 4. С. 51–61.
11. Тарасова Н. А. Концепция героя в романе «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского: Христианский аспект образа Раскольникова // Русская литература. 2016. № 1. С. 64–79.
12. Чирков Н. М. О стиле Достоевского. Проблематика. Идеи. Образы. М.: Наука, 1967. 309 с.

References

1. Askol'dov S. A. Dostoevskij kak uchitel' zhizni [Dostoevsky as a Teacher of Life]. O Dostoevskom. Tvorchestvo Dostoevskogo v russkoj mysli 1881–1931 godov [About Dostoevsky. Dostoevsky's Works in Russian Thought]. Moscow, Kniga Publ., 1990. Pp. 252–263. (In Russ.)

2. Barsotti D. Dostoevskij. Christos – strast' zhizni [Dostoevsky. Christ as the Passioan of Life]. Moscow, Paoline Publ., 1999. 249 p. (In Russ.)
3. Dostoyevskiy F. M. Poln. sobr. soch.: V 30 t. [Complete Works in 30 vols.]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
4. Dostoyevskiy F. M. Poln. sobr. soch. i pisem: V 35 t. [Complete Works and Letters: in 35 vols.], by IRLI (Pushkin House). St. Peretsburg. Nauka Publ., 2013–2016. Vols. 1–6 (cont.). (In Russ.)
5. Dostoevskij F. M. Prestuplenie i nakazanie [Crime and Punishment], by AN SSSR; ed. by L.D. Opuľ'skaya and G.F. Kogan. Moscow, Nauka Publ., 1970. 808 p. (In Russ.)
6. Iz arhiva F. M. Dostoevskogo: Prestuplenie i nakazanie. Neizdannye materialy [From F.M. Dostoevsky's Archive: Crime and Punishment. Unpublished Materials], Central Archive, ed. by I.I. Glivenko. Moscow, Leningrad, GIHL Publ., 1931. 218 p. (In Russ.)
7. Komarovich V. L. Literaturnoe nasledstvo Dostoevskogo za gody revolyucii. Obzor publikacij 1917–1933 gg. [Literary Heritage of Dostoevsky During the Revolution. Review of 1917-1933 Publications]. Literaturnoe nasledstvo [Literary Heritage]. Moscow, Zhurnal'no-gazetnoe ob'edinenie Publ., 1934. T. 15. Pp. 258-281. (In Russ.)
8. Prestuplenie i Nakazanie: (Iz Zapisnyh knizhek F. M. Dostoevskogo) [Crime and Punishment: (From F.M. Dostoevsky's Notebooks)], introd. by I. I. Glivenko. Krasnyj arhiv [Red Archive]. 1924. № 7. Pp. 146-200. (In Russ.)
9. Tarasov B. N. «Tajna cheloveka» i tajna istorii. Neprochitannyj Chaadaev. Neopoznannyj Tyutchev. Neuslyshannyj Dostoevskij ["Mystery of Man" and Mystery of History. Unread Tchaadaev. Unrecognized Tyutchev. Unheard Dostoevsky]. St. Petersburg, Aletejya Publ., 2012. 352 p. (In Russ.)
10. Tarasova N. A. Kritika teksta i problema trudnyh chtenij (na materiale chernovyh zapisej 1864–1865 godov) [Text Critics and the Problem of Difficult Reading (a case study of 1864-1865 notes)]. Russkaya literature [Russian Literature]. 2017. № 4. Pp. 51-61. (In Russ.)
11. Tarasova N. A. koncepcija geroya v romane Prestuplenie i nakazanie F. M. Dostoevskogo: Hristianskij aspekt obraza Raskol'nikova [Concept of a Hero in F.M. Dostoevsky's Novel "Crime and Punishment": Christian Aspect of Raskolnikov's Image.] Russkaya literature [Russian Literature]. 2016. № 1. Pp. 64-79. (In Russ.)
12. Chirkov N. M. O stile Dostoevskogo. Problematika. Idei. Obrazy [About Dostoevsky's Style. Problems. Ideas. Images]. Moscow, Nauka Publ., 1967. 309 p. (In Russ.)